

ПОЛИТОЛОГИЯ

А. В. Свиридов,

канд. полит. наук, доцент

доцент кафедры профсоюзной работы
и социально-гуманитарных дисциплин

*Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО», г. Минск*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация: Данная статья посвящена обоснованию выделения в структуре геополитического пространства современного мира его политического измерения. Говорится о том, что для современного геополитического анализа наибольший интерес представляет не столько географическое пространство, сколько социальное пространство, которое выражает развивающееся социально-практическое отношение субъекта к внешнему миру.

Ключевые слова: геополитика, пространство, измерение, глобализация, цивилизация.

Annotation: This article is devoted to the justification of the allocation in the structure of the geopolitical space of the modern world of its political dimension. It is said that for modern geopolitical analysis, the greatest interest is not so much the geographical space, as the social space, which expresses the developing socio-practical attitude of the subject to the outside world.

Key words: geopolitical space, globalization, civilization.

Если в рамках классической геополитики в центре внимания исследователей находились политика государства и занимаемое им пространство, то уже в начале XX в. данный подход начал давать определенные сбои, поскольку классическая геополитика не учла целый ряд достижений людей, позволивших существенно расширить сущностное содержание пространства. Именно этим можно объяснить продолжающуюся ревизию классических геополитических концепций, которая подразумевает значительное переосмысление прежних территориальных и пространственных критериев, их усложнение и изменение их иерархии.

По мнению Д. Белла, это обуславливается прежде всего процессами глобализации, разрушающими наши представления «о пространстве и времени, о системе координат, в соответствии с которой мы организовывали реальность» [1, с. XXXV], и проявляющимся в формировании глобальных экономического, финансового, культурного, правового и политического пространств. Эти элементы глобального пространства оказывают непосредственное воздействие на социум

независимо от места его географического расположения, особенностей языка, культуры, экономики.

Российский исследователь Б. С. Ерасов в этой связи отмечает, что в числе новых критериев все более важное место отводят современным технологиям и глобализационным процессам, связывающим отдельные национальные экономики в единую мирохозяйственную систему. «Место прежней территориально-государственной экспансии занимает «тихое» экономическое и культурное расширение, или негласная миграция населения в более благоприятные регионы» [2, с. 27].

Таким образом, можно констатировать, что жизнедеятельность человека приводит к формированию и иных, «негеографических» пространственных форм, которые приобретают ключевую значимость для его политических и социально-экономических практик. Последние становятся неотъемлемым элементом сферы интересов человека, не контролируя которые, вместе с содержащимися в них ресурсами, невозможно обеспечить дальнейшее движение вперед.

В этой связи возникает проблема более детального осмысления пространства. Традиционно на протяжении веков оно исследовалось географией, целью которой было определение местоположения размещенных в пространстве взаимодействующих друг с другом объектов. К числу основных свойств или качеств пространства географы обычно относили расстояние, размер, относительное местоположение, доступность и т. п. Понятно, что его географическое по сущности определение, отвечающее потребностям географического детерминизма и классической геополитики, в современных условиях требует более расширенного подхода.

С. А. Проскурин подчеркивает, что лишь то пространство становится объектом политических притязаний, которое обладает социально значимыми ресурсами. Никакое государство не станет вести войны ради пространства как такового, не имеющего какого-либо важного качества. «Иначе говоря, поскольку мы ведем речь о социальной практике людей, то интерес для нас представляет только социально значимое пространство, которое вследствие своей социальной значимости только и может оказывать какое-либо воздействие на социально-политические процессы в обществе. Пространство, не имеющее социальной значимости для жизнедеятельности человека, не может стать объектом политических притязаний. Как для представителей речных цивилизаций Тигра и Евфрата океанские просторы не представляли интереса, так и для современных государств бесконечные космические пространства ... не могут в ближайшей исторической перспективе ощутимо повлиять на мировую политику» [3, с. 22].

Иначе говоря, в современных условиях на первое место в рамках геополитического анализа становится социально-политическое пространство, которое включает в себя социально-практическую позицию человека к внешней реальности, а также выступает как некая совокупность условий и форм деятельности человека, взятых в их последовательном

взаимодействии и системности. То есть пространство имеет не только социальную значимость с позиций материальных ценностей, природных и рукотворных, но и включает в себя наработанную тысячелетиями систему общественных отношений, представляющих собой ту самую культурную среду, в которой происходит формирование и развитие трудовых, нравственных, политических и иных свойств различных социумов и личностей.

Это в свою очередь ставит вопрос о структуризации геополитического пространства, преодолении его физико-географической заданности. «В современных условиях пространство следует рассматривать еще шире, распространив его содержание не только на природно-территориальный компонент государства (или другого геополитического субъекта), но и на его политическую жизнь, экономические отношения, демографические, научно-технические, информационные, этнополитические, культурно-исторические, экологические и другие параметры» [4]. Бесспорно, что географические составляющие выступают лишь как часть общего геополитического пространства, включающего также и иные элементы.

История XX в. свидетельствует о постепенном смещении геополитических целей мировых игроков из географического в сферу политико-идеологического и социально-экономического пространств. Это обуславливает необходимость вычленения в пространственной структуре его политической составляющей, в которой политика предстает в виде поля конкурентной борьбы различных геополитических игроков.

Политику как особую сферу в контексте геополитики предлагает рассматривать российский исследователь В. С. Пирумов. Среди политических факторов геополитики он называет тип государственности, организационную структуру управления и органы власти, социальную структуру общества, наличие гражданского общества, взаимоотношения с другими государствами, характер границ и режим их функционирования [5, с. 9].

Выделение особого политического измерения связано также и с усиливающимися глобализационными процессами: геополитические субъекты стремятся решать свои задачи, избегая военно-силовых столкновений, пытаясь действовать с помощью политических манипуляций и технологий. Навязывание глобалистской политической модели и является причиной ослабления и дезинтеграции геополитического пространства данной страны. Не вызывает сомнений, что западный политический проект представляет собой инструмент ослабления геополитических пространств конкретных государств в их политическом измерении. Тем самым государства становятся неспособными защищать свою геополитическую субъектность.

Отсюда становятся объяснимыми концепции западных геополитиков, обосновывающих ослабление национальных государств. Американский политолог С. Стрейндж отмечает: «Силы деперсонализированного мирового рынка становятся более влиятельными, чем мощь государств, чьи

ослабевающие возможности отражают растущую диффузию государственных институтов и ассоциаций, переход власти к локальным и региональным органам» [6].

В наиболее развернутом виде идею ослабления и исчезновения национального государства как актора международных отношений описал Ф. Фукуяма в работе «Конец истории и последний человек» [7]. С его точки зрения, после краха СССР у истории больше нет содержания и смысла. Исчезновение идеологического противника теоретически позволяет распространить либеральную демократию, рыночную экономику и идеологию «прав человека» на весь мир.

В такой ситуации, считает исследователь, национальные государства постепенно отомрут, а политика полностью заменится экономикой. Экономика внеисторична в силу того, что в ней отсутствует содержание и смысл. Мир превращается в глобальный рынок, где остается лишь оптимизация и логистика, что делает возможным отстающим субъектам глобальной экономики догнать передовые развитые общества [7].

Эту идею, говоря о «мире без границ», развивает К. Омаэ. Не только становятся проницаемыми политические – национальные и государственные – границы, но, что значительно важнее, уходит в прошлое та жизнь, в которой люди были разделены пространством и временем. На смену межгосударственным приходят отношения «надтерриториальные» с новой конфигурацией пространства, в котором все больше связей приобретают трансграничный характер. «Прерогативы государства ослабевают – в эру глобализации все народы и все основные процессы оказываются подчиненными глобальному рыночному пространству. Это новая эпоха в истории человечества, когда традиционные нации государства теряют свою естественность, становясь непригодными в качестве партнера в бизнесе» [8, с. 5].

На идеологическую подоплеку указанной точки зрения и ее глубинный геополитический смысл обращает внимание белорусский исследователь Е. М. Бабосов: «Многие адепты американизации глобализирующегося мира твердят о «неизбежном угасании национального государства» и устранении представлений о необходимости суверенитета. Характерно, что наибольшее количество проповедников «размывания» национального суверенитета государства находятся в США, которые довольно часто вопреки логике и позициям многих стран позволяют себе... ставить свои национальные интересы выше союзнических и мировых. Уместно спросить: а где здесь можно увидеть проявления пресловутого «размывания государственного суверенитета» [9, с. 22].

Ту ситуацию, в которой сегодня оказалось национальное государство, можно назвать парадоксальной. Со времен Вестфальской системы, основанной на балансе сил в международных делах, принципиальных изменений не произошло. Во всяком случае, на сущностном уровне отношения между странами по-прежнему строятся на стремлении

к гегемонии одной или нескольких держав при практической неизменности средств достижения этой цели. Выводы отдельных ученых относительно уменьшения роли государства в международных отношениях и возрастания возможности влияния на них со стороны транснациональных компаний (далее – ТНК) носят, скорее, прогностический, нежели прикладной характер. Мало того, как показывает практика взаимодействия европейских государств, государство всегда стремится создать благоприятные условия для своих ТНК даже за счет союзников по военно-политическим и иным организациям.

Необходимость в сильном государстве связана и с рядом других факторов. Параллельно усложнению и ускорению всех общественных процессов идет очень быстрое возникновение значительного числа новых глобальных проблем, которые ставят под вопрос сохранение и нормальное развитие целых стран и народов. Среди прочего угрозой миру и благополучию несет распространение оружия массового поражения, международный терроризм, мировой финансово-экономический кризис, религиозные и этнические конфликты. Становится очевидным, что преодолеть кризисы, разрешить возникающие проблемы может исключительно сильное государство, имеющее необходимые властные ресурсы, наделенное соответствующими полномочиями.

Исходя из этого, можно отметить, что единственным ответом, оставляющим шанс на субъектное существование большинства наций, остается стремление создать собственное сильное государство.

При этом важной остается проблема иерархичности нынешнего мирового порядка, которая как в отечественной, так и зарубежной литературе чаще всего анализируется в контексте понятия полярности. И в этой логике ключевым выступает вопрос о том, сколько полюсов влияния имеется в современном мире и какой из них главный.

Американские исследователи Т. Моул и Д. Сако в своей работе «Униполярный мир: разбалансированное будущее» пишут о том, что сегодня мы имеем дело с моделью однополярного мира, характеризующегося универсализацией и гомогенизацией всего мирового политического пространства [10, с. 27].

Одновременно в американских академических кругах в отношении явления однополярности сформировался подход, получивший название «мультилатерализм» («многосторонний подход»). Он подразумевает, что внешняя политика США представляет собой действия не «зарвавшегося» национального государства, а защитника и выразителя интересов всего Западного мира, готовящегося стать глобальным. Соединенные Штаты Америки выступают, таким образом, как высшее историческое воплощение интегрированного Запада. Это, наряду с прочим, предполагает укрепление атлантических связей, учет позиций всех союзных США сил и привлечение партнеров для консультаций и совместных действий. Полюсом выступает не одно национальное государство, а западная цивилизация в целом как концентрация всего человечества.

Вместе с тем само значение термина «многополярность» продолжает оставаться предметом острых дискуссий. Хотя количество исследований, которые носят научный, а не идеологический характер, как в отечественной, так и зарубежной науке явно не соответствует значимости темы.

В американских академических кругах теме многополярности посвящены единичные работы, которые бы отличались основательностью и глубиной анализа [11–13]. При этом очень часто понятия многополярности пытаются избегать, заменяя его на понятие неполярности, описывая такую структуру мирового порядка, где потребность в наличии жесткого центра отпадает сама собой [14]. Тем не менее, идея многополюсности имеет своих сторонников и в США. Например, Г. Киссинджер полагает, что система международных отношений должна быть основана на многополярности, которая предполагает, что наиболее крупные державы образуют центры подобно тому, как это было в Европе во время «Европейского концерта». Он пишет, что «международная система, просуществовавшая самый длительный срок без большой войны, была та, что возникла на Венском конгрессе» [15, с. 145].

Обосновывая неизбежность многополярного устройства мира, А. Г. Дугин отмечает, что различие заложено в самом движении жизни, которая бурно разворачивается через все большее и большее усложнение. «Множественность и различие народов, этносов, языков, нравов, религий характеризуют развитие человечества начиная с его истоков. Есть два отношения к этому факту. Для одних это жизненно-культурное различие и разнообразие представляет собой бремя, откуда рождается стремление всегда и повсюду сводить людей к тому, что есть между ними общего, что подчас приводит к самым извращенным последствиям. А для других, и это наш случай, различие – это богатство, которое необходимо сохранять и культивировать <...>. Мы считаем, что хороша та система, которая способна передавать через себя как минимум столь же сложные ансамбли, как те, что она вбирает в себя. Подлинное богатство мира заключается в различии культур и народов» [16].

Е. М. Бабосов приравнивает проанализированные модели мироустройства к двум ключевым тенденциям современного мира. Одна из наиболее важных среди них заключается в переходе к эпохе взаимодействия цивилизаций и культур. Другая – тенденция формирования и навязывания всему миру идеологии глобализма, ориентированная на подрыв суверенитета государств. «Если первая из названных тенденций связана с возрождением и развитием национальных культур и упрочением государственных суверенитетов, то другая, напротив, создает в глобальном масштабе такую ситуацию, когда размываются национальные суверенитеты, растаптываются и увядают национальные культуры» [17, с. 3].

Разворачивающаяся в современном мире конкуренция между рассмотренными моделями представляет, с нашей точки зрения, содержательное наполнение политического измерения пространства геополитики.

Исходя из сказанного, политическое измерение геополитического пространства можно определить как среду, в рамках которой разворачивается конкуренция между проектами политического обустройства пространства, выступающими в качестве средства подчинения геополитического соперника.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования : пер. с англ. / Д. Белл ; под ред. В. Л. Иноземцева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академия, 2004. – СLXX, 783 с.
2. Ерасов, Б. С. О геополитическом и цивилизационном устройении Евразии / Б. С. Ерасов // Евразия: Народы. Культура. Религия. – 1997. – № 1/2. – С. 25–35.
3. Проскурин, С. А. Геополитический фактор в международных отношениях / С. А. Проскурин // Соц.-гуманитар. знания. – 2003. – № 2. – С. 18–40.
4. Картунов, С. В. Имперские амбиции и национальные интересы / С. В. Картунов // Независимая газета. – 1997. – 11 сент. – С. 5.
5. Пирумов, В. С. Некоторые аспекты методологии и исследования проблем национальной безопасности России в современных условиях / В. С. Пирумов // Геополитика и безопасность. – 1993. – № 1. – С. 7–17.
6. Контуры мирового будущего [Электронный ресурс]: докл. по «Проекту-2020» Нац. разведыват. совета США // Глобалтека : глоб. б-ка науч. ресурсов. – Режим доступа: http://globalteka.ru/method/doc_details/14137-2020.html. – Дата доступа: 20.04.2013.
7. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек [Электронный ресурс] / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Левина. – М. : АСТ : Полиграфиздат, 2009. – Режим доступа: <http://www.e-reading.ws/book.php?book=96523>. – Дата доступа: 25.11.2010.
8. Ohmae, K. The end of the nation state: the rise of regional economies / K. Ohmae. – New York : Free Press, 1995. – 214 p.
9. Бабосов, Е. М. Новая полицентрическая модель мироустройства в XXI веке / Е. М. Бабосов // Постсоветское пространство в миропорядке XXI века: приоритеты, особенности, будущее : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, окт. 2010 г. / Белорус. гос. ун-т [и др.] ; редкол.: А. Н. Данилов (гл. ред.), В. Ф. Гигин, С. Г. Мусиенко. – Минск, 2011. – С. 20–27.
10. Mowle, Th. S. The unipolar world: an unbalanced future / Th. S. Mowle, D. H. Sacko. – New York : Palgrave Macmillan, 2007. – XII, 215 p.
11. Multipolarity in the 21st century: a new world order / ed.: D. Murray, D. Brown. – Abingdon ; New York : Routledge, 2010. – XVIII, 204 p.
12. Ambrosio, Th. Challenging America's global preeminence: Russia's quest for multipolarity / Th. Ambrosio. – Aldershot ; Burlington : Ashgate, 2005. – X, 196 p.

13. Global security in a multipolar world [Electronic resource] / F. Zhongping [et al.] ; ed. L. Peral ; introd. Á. de Vasconcelos // Chaillot Paper. – 2009. – Oct. (№ 118). – Mode of access: <http://www.iss.europa.eu/uploads/media/cp118.pdf>. – Date of access: 02.05.2018.

14. Haass, R. N. The age of nonpolarity: what will follow US dominance? / R. N. Haass // *Foreign Affairs*. – 2008. – Vol. 87, № 3. – P. 44–56.

15. Лебедева, М. М. *Мировая политика: учеб. для вузов* / М. М. Лебедева. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 351 с.

16. Дугин, А. Г. Третий путь и третья сила: о геополитике евразийской интеграции [Электронный ресурс] / А. Г. Дугин // Доклады Изборского клуба. – Режим доступа: <http://www.dynacon.ru/content/articles/1300/>. – Дата доступа: 02.12.2013.

17. Бабосов, Е. М. Дихотомия мироустройства в XXI веке и проблемы информационной безопасности / Е. М. Бабосов // *Идеол. аспекты воен. безопасности*. – 2012. – № 1. – С. 3–10.